

Литературно-художественное издание

Издательство Российского союза писателей

Серия: Библиотека солдата СВО

Ватутина Мария Олеговна

СТИХИ

*А вот она – страна – взяла и встала,
Когда пришла военная пора.
И мальчики, гонимые вчера,
Подняли трикотажные забрала.
А значит, никогда не умирала
Страна моя, ошиблись доктора.*

Волонтёры

Говорят, святые – кто пал в бою,
Защищая свой отчий дом.
Я давно не пеняю на жизнь свою,
Хоть она и идет на слом.

Но однажды, когда собралась *родня*
И в подвале пел «Зверобой»,
Я увидела тех, кто спасёт меня,
Кто прикроет меня собой.

Кто притащит хлеба, бутылъ воды,
Как положено им, святым,
И в бухой буханке вдоль резеды
Отволочет в глубокий тыл.

Вот они встают из застолья в круг
И танцуют, крыла подняв,
Отрешённые от повседневных мук
Человеческих, от потрав.

Не дрожа от птичкиной трескотни,
Не сгибаясь под ней в дугу,
Как же смачно выплясывают они,
Раз уж выдал Господь отгул.

Им известна цена выходного дня
В этом мирном кругу *родни*.
Эти могут и в избу, и на коня,
Цену жизни знают они.

Вот танцуют в раже они всю ночь,
Каблучками полы штробя,
Словно чувствуют: надо и мне помочь
Обрести самую себя.

Я вбираю свет, что от них идёт,
Раздербаненною душой.
Надо мной, со своих роковых высот
Улыбается их старшой.

Стихи военные в концерте
Читал поэт на злобу дня.
Но кто-то крикнул: – Всё о смерти,
А ты повесели меня!

Прожекторами оглушённый,
Поэт не видел тёмный зал.
– Повеселю, вопрос решённый, –
Поэт растерянно сказал.

Быть может – он себе признался –
И вправду, темы неверны.
Быть может, в зале оказался
Боец, уставший от войны.

И так, мол, тяжело народу:
И день и ночь об СВО.
Мол, надо тасовать колоду –
Переходить на шутовство.

Шептался шумно зритель в зале,
В кулисе гомонил базар.
А в это время выгрызали
Бойцы Волчанск и Часов Яр.

Он вспомнить даже не старался
Свой довоенный юморок...
Он тоже за Победу дрался,
Он тоже делал всё, что мог.

Поэт воспрял бы и пораньше,
Вглядевшись в зал поверх всего –
Где, вся в медалях, ветеранша
Вдруг встала, слушая его.

Не оплакивай воина,
Провожая на фронт.
Всё. Колонна построена
У чугунных ворот.

В гимнастёрочку хрусткую
Погоди, не реви.
Пусть солдатушки русские
Помнят строгость любви.

Из объятий терзающих
Он идёт не на смерть.
На священных ристалищах
Добывается честь,

Добывается родина,
Добывается дом.
Как ты там ни расстроена,
Отревёшься потом,

Вспомнив юность, супружество
В приутихшем дому.
А сейчас нужно мужество
И тебе, и ему.

Не казачья же вольница,
Не мальчишки гурьбой,
Это – русское воинство
Отправляется в бой.

Не верь ты мне – фальшивой, слабой, ленной –
Я ничего не знаю о войне,
Как телескоп не знает о Вселенной
С погибшими мирами в вышине.

Я заползаю в возраст отстраненья,
Слежу за новостями с лежака,
С меня не спросишь ни за отступление,
Ни за нехватку раций мужикам.

Но я с такой немыслимою силой
Походные крещу их вещмешки,
Что мне, тяжеловесной и трусливой,
Бог посылает нужные стишки.

О том, что в поле белая пороша,
О девяностых, отданных за так,
О том, как подполковник дядя Лёша
Рыдал тогда об армии в кулак.

О том, что льются западные транши,
Как бесконечный симоновский дождь,
О том, как предрекали ветеранши:
«Случись война – не встанет молодёжь».

А вот она – страна – взяла и встала,
Когда пришла военная пора.
И мальчики, гонимые вчера,
Подняли трикотажные забрала.
А значит, никогда не умирала
Страна моя, ошиблись доктора.

Другу

После боя безупречного
До утра без задних ног
Мой товарищ – птица певчая –
Спит в землянке, как сурок.

Перебита переносица
В прошлой жизни у него.
А во сне он переносится
В эту, что страшней всего.

Где дороги в тесто месятся,
Где суровая родня,
Где сидят двенадцать месяцев
Возле вечного огня.

Кто убитый, кто замученный,
Кто – попавший под завал.
Кто – сегодня за излучиной
Пядь земли отвоевал.

Мой товарищ отсыпается,
Ноль внимания на гром.
Тонкой струйкой осыпается
Сверху стылый чернозём.

Он во сне своём нахрапистом
Снова в праведном бою.
И гремит война анапестом
Колыбельную свою.

Если мы освобождаем Донбасс,
То и Донбасс освобождает нас.
Протирает оконце пыльное – вот, гляди:
Лупят по крышам грибные дожди,
Светятся кромки заборов, кочки дворов,
Светятся даже рога у коров,
Отливают белым светом бока
Утренней Зорьки, светятся облака
И в ведре молоко, блики бегут по стенам.
Пахнет кошеным лугом, постельным сеном,
Слышится песня сторожа, пастуха ли,
Светится музыка искренними стихами,
Ты к любви возвращаешься, оживаешь,
Из хрусталя встаёшь, к небесам взываешь:
Нам прибавилось силы, приросло, открылось,
Русское вона где сохранилось,
Вона где уберегли, что всего дороже.
Какие они тут красивые люди, боже.

Агитбригада

1

И я внести хотела лепточку
Живым курком, взведённым в слово.
Летели бортом мы за ленточку.
Но кто-то выходил в Ростове.

Гуляли, спешившись, по лётному.
И шли кормою к фюзеляжу
Камазы с ящиками плотными
И прочей фронтовой поклажей.

Майор, с которым там мытарились,
Кивнул на ящик: «Дальше вместе.
А ты-то знаешь, чем затарились?»
Ответила ему: «Груз двести».

Стрельнул сигарку несерьёзную.
Кивнул: мол, знаешь, уважаю.
И полетели мы по воздуху,
До неба мёртвых провожая.

Из-за обстрелов нас за ленточку
Не повезли, в Крыму сгрузили.
Но наши дали им ответочку
И дальше жили, жили, жили.

2

– Где таких набрали их...
Он вздохнул недобро.
Замкомвзвода бил своих
Кулаком под ребра.

Он признался, горько так,
Словно вскрыл болячку.
Он учил своих салаг,
Вдруг впадавших в спячку,

Чтобы больше не тупил,
Не входил бы в ступор.
– Представляешь, я их бил, –
Он признался скупю.

Он давно уже в раю,
Только в госпитальном.
Нёс он исповедь свою
В гнойнике фатальном

Не по плацу под Москвой
В томном гарнизоне.
Он, от боли сам не свой,
Нёс её в патроне,

Что оставлен был на край,
Словно миру вестник.
– Что ты, братец, не вскрывай,
Я ж не исповедник.

В бой мальцов не ты бросал,
Как за тушей тушу.
Ты же их собой спасал,
Грех беря на душу.

Зазевавшемуся вдруг,
Заметавшемуся вдруг,
Увидавшему, как друг
Взрывом прорешечен,
Надавав затрещин.

Эти ворохи трухи
Говорить не стала.
Я пошла читать стихи,
Я одно сказала:

– Кто не грешен?..
Я – грешна.
И затрясся густо
Замкомвзвода.
Вот она,
Силища искусства!

З
Мы выступали в лётной части
На фоне подуставших «сушек».
Собрали техников ворчащих
И двух старушек.

Все слушались команды зама
По политической работе.
А остальные были, знамо,
Уже в полёте.

Но не успели депутата
Дослушать мужики, как строго,
Назойливо, продолговато
Взвилась тревога.

Должна покаяться – стухнула.
Не то чтоб кинулась метаться,
Но смертью, в общем-то, пахнуло.
Не отмахаться.

От нашего репертуара
Остался пшик.
Неважно это,
Когда, по сведениям радара,
Летит ракета.

Стоишь и ждёшь, когда пустое
То небо, что надеждой правит,
Своей мозолистой пятою
Тебя раздавит.

Потом тревогу отменили
Тремя сигналами в прокрутке.
Точней, двумя.
И все шутили,
Что обсчитался тот, кто в рубке.

Смеялась замполитша Вера,
Хорошенькая, как с картинки.
И золушкиного размера
На ней военные ботинки.

4
На костылях.
В бинтах ступня.
Прошил осколок у Каховки.
Глядит смешливо на меня,
Стишки читавшую в столовке.

Загар, похожий на броню.
Досадует на попадание.
«А хочешь, маме позвоню,
Когда вернусь в Москву с задания?»

У вас тут есть с роднёю связь?
Скажу, жива ее пропажа».
А он отвечивал, смеясь:
«Не-не, она не знает даже.

Мы бережём.
– Он бросил взгляд
На раскуроченную ногу. –
Про это знает только брат».
И я отправилась в дорогу.

Я думала за часом час
Про дагестанского героя,
Который жизнь свою отдаст
Для материнского покоя.

Прощаясь, я ему: «Родной,
Ну, ты орёл!» А он с подскока:
«Ведь это же мой позывной...»
Так он признал во мне пророка.

5

Через час, тишину накаляя,
Нарастив реактивную прыть,
Подполковник Андрей Николаич
Улетает нацистов бомбить.

Отработает по красотулям,
Обнаружив в засадах носы.
А пока что мы весело курим
Возле взлётной в тылу полосы.

Возле лётного поля, в зелёнке,
Где не слышно почти что его...
– Я в полете всегда при лимонке –
В плен не сдамся, в случа'е чего.

Я смотрю на его безусловность,
На святую готовность в бою
Пасть за родину. Эта готовность
Вот она – я с ней рядом стою.

Всходит свет над землёй первозданный,
А из Крыма в степное жнивье
Подполковник Андрей Первозванный
На задание уходит своё.

6

Бойцы в вагоне-ресторане
Обратно едут, на Ростов.
Потом такси до поля брани,
Верблюжье ухо блокпостов.

Они бывалые, бухие,
Блатняк заводят, мотом жгут.
На них военный зов России
Затянут, как над раной жгут.

Сквозь гул колес одномоментно
Обрывки крика бьют вразлёт:
О том, что Путин стопроцентно
Мужик и точно патриот.

О том, что надо помнить павших...
И снова пьют, как ни взгляну.
Официанток недоспавших
Пугает крик: «Ещё одну!»

Они сойдут толпой хмельною,
И дёрнет дальше, как в бега,
Состав, везущий стороною
Тверёзных граждан на юга.

7

Боец проспал весь день на верхней полке.
Не застелив постель, не съев лапши
Какой-нибудь, не сдёрнув гимнастерки,
Ну, или что у них поверх души.

Спал до утра от самого Ростова.
Мы даже взглядом не пересеклись.
Устал боец смертельно. Что такого?
Пусть спит.
Вчерашний бой, ему не снись.

«Пусть спит», – я повторила проводнице,
Вздыхающей: «Оплачено ж бельё».
«Пусть спит», – она шепнула.
До столицы
Мы сторожили это забытьё,

Небытие, период переходный
С того на этот свет – на свет дневной.
Вот так, потусторонний и голодный,
Проспал солдат обратный путь домой.

И что с того, что, заходя несмело
В плацкарт, я не спросила ничего.
«Брат, на побывку? Как там было дело?..»
Кто я такая – спрашивать его.

8

Он говорит: —

Служил комроты я,

Была история такая.

На поле боя пятисотые

Трёхсотых бросили, тикая.

Они гражданские, нетёртые,

Пришли сюда по доброй воле.

И, в первом же бою попёртые,

Оставили своих на поле.

Контракт, однако, красны девицы

Не разорвали, как салфетку.

Но как теперь на них надеяться

Тем, кто — на штурм или в разведку?

И даже как-то опечаленно,

По праву, а не в назиданье,

Звучало от однополчанина:

— Я не возьму их на заданье.

И ротный молвил:
– В общем, выруси*.
Бывает, видишь, и такое.
Поди теперь ещё повыспроси,
Чтоб умереть на поле боя.

9

В ресторане тыловом
Вышедший в запас
Байки сыплет за столом
Мой ровесник – Барс.

Он недавно с передка.
Своего хлебнул.
Не послали мужика
К складу в караул.

А послали аккурат
В штурмовой отряд.

* Вырусь – человек с русскими корнями, утратив- ший русскую идентичность, предатель.

Брали Ку'пьянск и Изюм.
Кракен кричал в зум.
Зачищали Парфенон,
Штурмовали Стикс.
И ходил к соседям он
Перед часом икс.

– Что за полк, какая часть,
Собран ли ковчег?
И полковник отвечал:
– Сорок человек.

– Как ты будешь фланг держать,
– Не соображу!
А полковник через мать:
– Так и удержу.

Удержали, стерли в дым
Лютый окоём.
Мы же русские.
Сидим
За победу пьем.

Пункт временной дислокации

Над полем пушки грохотали,
А где-то в призрачном нигде
Мы пели и стихи читали
В холодном цехе ПВД.

Бойцы в проходах набивались,
Садились на пол, кто как мог –
И застил свежую усталость
Солдатский грубый юмор.

Шёл пар от каждого дыханья,
Загаром бронзовел весь взвод.
Они сюда пришли с задания,
А это был – кровавый пот.

Стоял декабрь.
Терзали душу
Домашней ёлки огоньки.
И подпевали про Катюшу
Счастливые штурмовики.

Рождественские стихи

Не взойдёт звезда – не прозреет ночь,
Многогласна и холодна.
У меня не сын на войне, не дочь,
У меня на войне – страна.

Я её вчера ещё родила,
Я намучилась с ней одна.
Непутёвой она у меня росла.
А потом началась война.

И моя страна, голова дурна,
Безотцовщина, цирк на льду –
Говорит «война», говорит «должна»,
Говорит «всё равно пойду».

– Вся в меня пошла, – ей вослед шепну, –
В деда, в прадеда своего.
Помолись и ты за мою страну
в это женское Рождество,

Чтобы смертью смерть победить смогла,
Чтоб воскресла она, цела.
Я её для вечности родила,
И звезда для неё возшла.

А у нас в России газ. А у вас?
А у вас в Европе сглаз. Да-с.
Говорит немецкий канцлер,
Что кончается запас.
Ветер кончился в полях. Ах!
С удобрениями швах! Ах!
Зона личного комфорта
Обнулилась в головах.

Эту зону мы займём.
Флаг Победы вознесём
Над условным над Рейхстагом.
Жми, история, зигзагом,
На броне рисуя знак.
Боже, дай ума салагам,
Если с газом порожняк.

А у нас в России нефть –
Хоть залейсь.

Нам конца и края нет.
К нам не лезь.

До свиданья, мистер Бо'рис,
Закругляйтесь, мистер Сорос,
Джо, не лезь на трап:
Там танцует Трамп.

А из нашего окна
Плешь Зеленского видна.
Ну, а вашим байрактарам
Безусловная хана.

Нам в России, всем европам назло,
Наконец-то и с вождём повезло.
Бог ни разу не Тимошка –
Разбирается немножко
В правилах войны.
Это чья в евроокошко
Лезет к нам большая ложка?
Целься, пацаны.

Ты же знаешь – ты красивый,
Глаз не отвести.
Подожди, не трансгрессируй
В жизнь мою, пусти.

В красоту влюбиться мало,
Что ни говори.
Есть какие-то подвалы
У тебя внутри.

Красоту любить опасно –
Разжижает мозг.
Решено единогласно:
Будем строить мост.

В красоту влюбиться просто...
Я побеждена.
И дымлюсь, как папироска,
Не твоя вина,

Что – точёный, словно дьявол
В гётевом плаще.
Кто тебя таким придумал –
Думал вообще?!

Не косись, подобно зверю.
Судя по всему,
Это просто я не верю
Счастью своему.

Я хочу написать чудо-стихотворение,
Стихотворение-колдовство.
Чтобы – появишься оно – и в мгновение
Все послушались бы его.
Занялись бы собой Америка,
Англия и Макрон.
Украинцы сели бы все у телика
И смотрели бы «Бесогон».
Успокоились бы на Банковой,
Пожалели бы генофонд,
Замер бы кашель танковый,
Кончился артралёт.
Затянулись бы все ранения,
Дети восстали бы из могил...

Но моё стихотворение
Не волшебная палочка, а тротил.
Оно – оружие дальнобойное,
Реактивный снаряд.
Оно – лобовое, любовное
Попадание в оружейный склад.

Оно – натиск и наступление,
Вразумление дураку.
Оно – служение Русскому языку.
Не такое и шедевральное,
Как могу – служу.
Слово русское – материальное,
Будет, как скажу.

Когда они назвали нас ордою
И Мордором Россию нарекли,
Вообще не парясь этой ерундою,
Мы зеркало им просто привезли.

Когда, терпя, не ввязываясь в драку,
Мы ждали – образумятся, как знать,
Они нам люто прочили гиляку,
Но жадничали ветку уступить.

Когда они пилили под собою
Последний сук, ракетами плюясь,
Казалось им, что шли они гурьбою
В Европу, а попали мордой в грязь.

Когда летели мины по спирали
В шахтёрские посёлки и поля,
Они с лица земли народ стирали,
Но он же русский – он и есть земля.

Потом они указы накропали
Начать войну и двинуть на Донбасс,
Теперь твердят, что мы на них напали,
А мы не к вам, а мы к своим как раз.

Они кричали русскому: «Изыди»,
И слово «рубль» сводило их с ума.
Что знаешь ты вообще о геноциде,
Старик, бомбивший сербские дома?

Там думали – что мы ушли, простили,
Забыли завоёванное встарь.
Так это в девяностых мы шутили,
А нынче жизнь положим на алтарь.

Когда по-русски пушки их спросили:
«Ребята, что вы, сбрендили? Хорош!»
Они в отместку Пушкина сносили.
Но он же Солнце – как его снесешь?

И главное. Горласты и мясисты,
Шевронами раскрасив свой цинизм,
Они дурили мир, что не нацисты,
А это был классический нацизм.

Содрав огни георгиевской ленты,
Они ввели Победу под запрет.
Но ведь у нас той ленты – километры,
И у Победы нашей судей нет.

Земля и Солнце – в той огромной ленте,
А ты трясёшь содомской требухой,
Посольство экспортирующей смерти Страны,
чужими войнами лихой.

Как исстари, идём на запад, братцы.
Чужого нам не надо – лишь фасад
Рейхстага или Рады – расписаться,
Мозги родне прочистить и – назад.

Живите, как дозволит совесть ваша,
Воспитывайте правильную власть.
Мы рядом, если что. Целую, Маша,
Гвардейская стрелковая литчасть.

Худая, дряхлая на вид,
Совсем иссохшая зимою,
Чужая мать в саду стоит
Над раскуроченной землёю.

Дай обниму тебя, прижму,
Поглажу кукольные плечи.
Засею землю по уму,
Затеплю в доме печь и свечи.

Не ты ли вышла на задки
С отцовским знаменем советским,
Когда здоровые сынки
Пришли к своим задворкам детским?

Не твой ли флаг топтали тут,
Смеясь, подметки вытирали?
И «куры», «млеко» и «капут»
Тебе, затравленной, орали.

Чужая матушка моя,
Не паться от сыновней злобы.
Твои дурные сыновья
Забыли свет твоей утробы.

Терпи и боль свою таи,
Считай, что это просто глупость.
Но тихо: «Это не мои», —
Она ответила, потупясь.

Я горе видела в упор,
Но равных нет минутам этим,
Как выносила приговор
Чужая мать родимым детям.

Космос

Заговорили о судьбе, о том,
В каком мы все сечение золотом?
Что' космосом зовётся персональным
Для каждого? Планета за бортом
Качала водным куполом печальным.

Один сказал, что космос для него
Ландшафт от сих до сих, от вон того
Мурма'нска до Приморья, до Камчатки.
А солнце мы задраили. Его
Безудержность опасна для сетчатки.

Другая утверждала, глядя сквозь
Волокна, проплывающие вскользь
Над степью, где грохочет панорама,
Где дом её: – Вот космос мой!
Небось, Уже уснула под бомбежку мама.

А третья говорила:

– Мне Москва

Дороже звёзд и Млечного моста,
Где я одна, как перст, но в центре света,
Внутри народа. Это ли не та
Вселенная, где одиночеств нету.

Еще одна в их призрачном кругу
Была вдали – сидела на лугу,
Вдыхала жадно пряность земляную
И ветер, горько пахнувший войной.
А «Космос» был обычный позывной
Бойца, который держит Кременную.

Короткий волос, вид потусторонен,
В костюме брючном – кофта и штаны –
Привёз невестку старший сын Мотронин
В родительскую мазанку с войны.

Не жить, а навестить приехал рідних,
Привёз жену – москвичку, медсестру,
Нездешнюю, из малогабаритных,
Неподходящих этому двору.

Пока она в телеге восседала
Среди трофейных даровых даров,
Сбегались бабы, мать в саду взрыдала,
И сёстры подхватились из дворов.

Воз встал, и молодуху сняли с трона,
И сын готов был шапку заломать,
Но бросилась суровая Мотрона
Сначала эту кралю обнимать.

На миг воскресла мёртвая сетчатка,
И матір запитала тишину:
– Так вот якая ти, однополчанка.
Та хто ж дитя відпúстив на війну?
О, летописец! Летопись кропая,
Упомяни в истории села,
Как та Мотрона, издавна слепая,
Мою родную бабку приняла.

Потом неделю улица гуляла,
Петрович хвастал в силу естества.
И мать моя уже осуществляла
Своё деленье первое на два.

Та земля, где цикадами ночь тиха,
Где давал рассветный час петуха,
Стёрта в прах построчно.
И вполне возможно, что всполох крыл –
Это те, кто взрывами из могил
Воскрешён досрочно.

Я ещё, бывает, и затыкну
Украинскую песню не про войну,
Про плывущий човен*.
Он такой же старый, как тот оклад,
Под которым лик на дощечке свят,
Так же чист и чёрен.

И плывут в куинджиевском свету
По реке на огромном своём плоту
И Петро с ключами

* Човен (укр.) – чёлн, лодка.

От калитки райской, и сам Павло,
И ещё моей там родни полно,
А я их встречаю.

Я пою, пою, и светло от звёзд.
Но не Droga Mleczna*, а Крымский мост,
По-всему, астрален.
И всплывают в Корсунские врата,
Кто пришёл домой на борту плота,
Так сказать, с окраин.

И живых, и мёртвых впишу в стихи,
И ещё, чтоб третию петухи,
Ерихонски трубы,
Чтобы Лжевладимир мотал на ус,
Что теперь предел его наг и пуст,
Как ни плачь в ютубы,

* Droga Mleczna (польск.) – Млечный путь.

Что ушли с холмов Лыбедь, Кий и Щек*.
А Россия – это и есть ковчег,
Берегущий запах
Приостывшей печки в родной избе.
А народа растраченного – тебе
Не подарит Запад.

Вот сошлись библейские времена:
И потоп, и хворь, и война дрянна.
Гаснет свет над хатой.
Я пою, я иду на тысячный круг,
Чтобы все воскресшие шли на звук
Незамысловатый.

* Братья Кий, Щек, Хорив и их сестра Лыбедь – легендарные основатели Киева.

Юбилей

Юбилей отмечали на кухне.
Раз, два, три – и обчёлся гостей.
Сын ушел спозаранку, «притухни», –
Улыбнулся. Язык без костей.

Рыбка красная. Стопочки с горькой.
Фаршированный перчик в соку.
Голубцы подкопчённые горкой.
И отдельно тарелка сынку.

Подарила сестра пароварку: –
Береги себя. Чеки внутри.
Брат пришёл. Подарил пароварку.
Ну хоть обе врубай и пари!

Вот такая родня на чужбине,
Вот такой юбилей в шестьдесят.
– Что там наши творят в Украине...
– Передайте котлетки назад...

Словно чадо о двух пуповинах,
В Украинах, в Россиях, вдали,
Кто научит их жить, половинных,
На два времени, на две земли?

После Пасхи на пашню, к утехе,
На Воздвижение – в башню у МКАД.
Пароварок зато, как в аптеке,
И туда и сюда в аккурат.

– Резко не вставай, ударит в глазоньки, –
Подливая, крякал сиплый дед.
Во дворе у вросшей в землю мазанки
Мне накрыли праздничный обед.

Пухлая Галина Поликарповна
Подносила яства ко столу.
Летний зной вливался в вены капельно.
Распускался полдень по селу.

В доме рушниками полки выстланы,
В комнатёнках сплошь половики.
На луга с утра коровы высланы,
Вон они пасутся у реки.

Что бы он сказал теперь о родине,
Как бы тряс плешивой головой?
Хорошо, что все дороги пройдены,
И лежит не там, а под Москвой

Наш Петрович, так оравший: «Сволочи!»,
Что осип под Киевом в бою.
За тебя я выпью самогонки.
Помню, помню – резко не встаю.

Твердишь – у победы цена высока,
Чины не признали вину,
Не так, не туда, не такие войска...
Представь на мгновение издалека,
Что мы проиграли войну.

Ну, ты же хотел: не тревожить солдат,
И на переправе коней
Менять, и блокадный отдать Ленинград,
Журить Холокост, но с ключами у врат
(Под немцем-то всё посытней).

Представь, навсегда отошли за Урал.
Ушли потихоньку в тайгу.
А с башен кремлевских все звёзды содрал
Рейхсканцлер и свастикой небо поправил.
Представил? А я не могу.

Ты хочешь вернуться в такую страну:
Колбаски, баварский пивас?
Немецкие земли на Тихом Дону?
Ты хочешь, чтоб мы проиграли войну?
Хотя бы сейчас?

И кто бы ты был, да и был бы вообще?
Когда штурмбаннфюрер в шуршащем плаще,
Не переставая курить,
Уже позаботился, прян и медов,
Чтоб ты не возник на этапе дедов.
О чём мне с тобой говорить?

*На снос памятника генералу Ватутину
в Киеве 9 февраля 2023 года*

Когда мы обратно в твой город войдём,
Немного остыв возле входа,
Мы точно не тронем твой выживший дом
И стадо немого народа.

Не сроем могил украинских солдат
И мову не пустим на мыло.
Ты сам привезёшь монументы назад
И всё обустроишь, как было.

Героем героя опять назовёшь,
Кого бы ты раньше ни славил.
И памятник этот ты тоже вернёшь
Туда, где народ его ставил.

Я знаю, что скажешь ты в зале суда:
Ты был — исполнитель наряда.
Но знаешь, когда мы вернёмся сюда,
За прыть твою будет награда:

Нависнет над Киевом глыба одна,
Бессмертье своё узаконив.
И схлынет в Европу святая война,
Где ждут Рокоссовский и Конев.

Шёл солдат мимо шахт и пожарища,
На броне по лесочкам катил,
Восемь лет хоронил он товарищей,
Восемь лет у родни не гостил.

Его землю дырявили бедами,
Выжимали в чужой окоём.
«Только мы, – говорил он, – отседова
Никуда никогда не уйдём».

Старики на груди его хлюпали,
И светлели посёлки вдоль трасс.
Вот сажают цветы в Мариуполе
И завозят учебники в класс.

И чужая худющая матушка
Припадает на бронежилет:
«Вы теперь не уйдёте, ребятушки?
Не уйдёте? Не бросите, нет?»

Отвечал, наклонившись, как к маленькой,
Обещая откинуть врага.
Восемь лет он не виделся с маменькой,
До которой уже два шага,

Две положенных в степь батареечки,
Чтоб светилась священная степь.
И товарищ с осколочным в темечке,
И встречающих пёстрая цепь.

Это родина. Вот его родина –
До колонки всего дохромать.
Дом разрушен, и мать похоронена.
Надо новую жизнь поднимать.

Занят делом там, где солнце в накипи
И калёный плавится металл,
Ты нет-нет подумаешь, что надо бы,
Чтоб об этом дома каждый знал:

О цене дневного наступления
И высокой точности ракет.
Нужно и солдату вдохновение
Для особой сладости побед.

Посмотрите, западные умники,
На российских танков красоту.
В бой идут Манюни, Ксюни, Юленьки,
Ста'тью с ног сшибая сволоту.
На снарядах, сложенных впритирочку,
Ты писал ещё на той войне
Личный шифр: «За Ирочку! За Ирочку!»
– Бабушка рассказывала мне.

Женскими намоленная душами,
Русская победа дорога.
Выходила на берег Катюша и
Наводила ужас на врага.

Ничего, что в мирной нашей волости
Все живут, как жили, не скорбя.
Приглядеться – каждый полон гордости,
Каждый молит Бога за тебя.

Удиви меня и возрадуй:
За грядями церквей и падуи,
Там, где солнце всходит из вод,
Напиши мне над солнцем – «Вход».

Ты, прижимистый, не затратный,
Удиви меня, удиви
И в пустынной тиши закатной
Дай последней глотнуть любви.

Удиви меня добротою,
Покажи мне, чего я стою,
Пусть душистая трын-трава
Мне прошепчет, что я права,

Что слышна своему столетью,
Что верна моя коля.
Удиви меня тем, что смертью
Не закончится жизнь моя.

Мы смотрели игру за накрытым столом,
Мы болели за наших всем нашим селом,
Обнимаясь и плача, срываясь на крик,
Если шла к нам удача с отчаяньем встык.

Мы давно не сходились за этакий стол,
Мы болели всем миром за русский футбол,
Мы давно не болели вот так за своих,
За своих, понимаешь, за нас – за самих.

Удивляясь тому, как всеильна игра,
Мы впервые желали друг другу добра.
Мы желали победы в спортивной борьбе,
За желанье само благодарны себе.

И немного смущаясь на первых порах,
Мы кричали «Россия!» во всех секторах.
Это родственный стержень – забьём не забьём –
Возрождался из пепла в народе моём.

16+

Литературно-художественное издание

Серия: Библиотека солдата СВО

Ватутина Мария Олеговна

СТИХИ